

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.163.1(47)

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-5-9

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ МОИСЕЯ ГУМИЛЕВСКОГО
В ЕГО ПЕРЕВОДЕ АРЕОПАГИТИК XVIII ВЕКА**

© Анастасия Вольская, Наталия Николаева

**LEXICAL INNOVATIONS OF MOSES GUMILYEVSKY
IN HIS AREOPAGITICA TRANSLATION OF THE 18th CENTURY**

Anastasia Volskaya, Nataliya Nikolaeva

The article analyzes some lexical units (nouns) from the first Russian translation of Areopagitica, made in the 18th century by hieromonk Moses Gumilyovskiy, which is of great interest from the point of view of the Russian literary language history of that period. These units are not recorded in lexicographic sources, but most of them are formed according to regular word-formation models of the Russian language. Some of them are structural calques or semi-calques of Greek equivalents. It is noteworthy that even when making a calque, Gumilyevsky tended to create a semantic translation. The purpose of the work is the lexical and word-formation analysis of such word usage. To achieve it, we classified the studied units in accordance with their representations in historical lexicographic sources. As a result of the fulfilled research, we have found that Gumilyevsky's new words are primarily nomina abstracta with the meaning of quality, less often of action (or its result) in accordance with the textual and genre affiliation of the treatise translated by him and its content features. Even within the framework of a small volume of the analyzed vocabulary, we have traced the main trends of Gumilyevsk's translation as a whole: the translation of substantives by suffix formations, the preference for names with the meaning of abstract quality and the semantically oriented transmission of the original text.

Keywords: Areopagitica, Moses Gumilevsky, semantic translation, Russian literary language of the 18th century, historical lexicography, word formation

В статье анализируются некоторые лексические единицы (имена существительные) из первого русского перевода Ареопагитик, выполненного в XVIII веке иеромонахом Моисеем Гумилевским и представляющего большой интерес с точки зрения истории русского литературного языка того периода. Данные единицы не зафиксированы в лексикографических источниках, однако в большинстве своем образованы по регулярным словообразовательным моделям русского языка. Некоторые из них представляют собой структурные кальки или полукальки греческих эквивалентов. Обращает на себя внимание, что даже в калькировании проявилась склонность Гумилевского к созданию смыслового перевода. Цель работы состоит в лексико-словообразовательном анализе таких словоупотреблений. Для ее достижения была проведена классификация исследуемых единиц в соответствии с их представленностью в исторических лексикографических источниках. В результате проведенного исследования было установлено, что новые слова Гумилевского представляют собой прежде всего nomina abstracta со значением качества, реже действия (или его результата) в соответствии с тексто-жанровой принадлежностью переводимого им трактата и его содержательных особенностей. Даже в рамках небольшого объема исследуемой лексики были замечены основные тенденции перевода Гумилевского в целом: перевод субстантивов суффиксальными образованиями, предпочтение имен со значением абстрактного качества, ориентация на смысловую передачу оригинального текста.

Ключевые слова: Ареопагитики, Моисей Гумилевский, смысловой перевод, русский литературный язык XVIII века, историческая лексикография, словообразование

Для цитирования: Вольская А.С., Николаева Н.Г. Лексические новации Моисея Гумилевского в его переводе Ареопагитик XVIII века // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 5–9. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-5-9

Перевод Ареопагитик на славянорусский язык [1, с. 98], выполненный в последней четверти XVIII века иеромонахом (впоследствии епископом Феодосийским и Мариупольским) Моисеем Гумилевским, от всех предшествующих переводов, а также и современных ему, отличается ясностью изложения, использование обычной для произведений такого жанра (исторический богословский трактат) лексики, принадлежащей высокому стилю, порой славянизированной, но не вычурной или не калькирующей некоторые греческие конструкции (например, субстантивированные глагольные формы), чем еще увлекались даже его современники, ориентированные на церковнославянскую, но не русскую языковую парадигму (как, например, Паисий Величковский и др. [2]).

Однако оригинальный текст содержит большое количество авторских неологизмов, особенно в области словосложений, так что любой перевод Ареопагитик не избежал и не избежит некоторых языковых экспериментов и новаций с целью адекватной передачи первоисточника. Так, например, современные переводы, выполненные Г. М. Прохоровым, содержат множество сложных слов-калек с греческого, часто в славянизированном духе, чтобы отразить эллинистически сложный по способу выражения мысли оригинал в изложении на современном русском языке [3, с. 130].

Материалом для нашего исследования послужил один из двух трактатов, переведенных иеромонахом Моисеем, – «О небесном священноначалии», изданный в 1786 году [4]. Примеры из этого издания и из словарей приводятся в дальнейшем в упрощенной орфографии.

Место лексических новаций, обнаруженных в переводе Гумилевского, в языковой системе того периода мы определяли по данным словаря церковнославянского языка Г. Дьяченко [5], на основании церковнославянского и старорусского подкорпусов НКРЯ и основного корпуса, фиксирующего употребление слов с начала XVIII века [6], но в первую очередь, безусловно, по данным Словаря русского литературного языка XI–XVII века [7], Словаря русского языка XVIII века [8]. Привлекая все доступные нам источники, мы понимаем ограниченность наших возможностей: исторические словари не могут в силу объективных причин описать весь лексический фонд эпохи и перечислить все значения для каждого из зафиксированных слов. Тем не менее, с их помощью возможно проследить некоторые тенденции, связанные с языковыми предпочтениями переводчика и его способностью использовать

словообразовательные потенции языка. Необходимой базой нашего исследования стал и первый перевод Ареопагитик на славянский, выполненный на Афоне в XIV веке [9], поскольку с него начинается текстология славянских Ареопагитик и в нем искали опору в решении переводческих задач почти все переводчики этих трактатов в последующие эпохи.

Все лексические новации, обнаруженные в переводе иеромонаха Моисея, можно классифицировать следующим образом:

1. Графико-фонетические варианты слов, которые фиксируются словарями: *властеначалие* [4, с. 56] vs. *властоначалие* [8].

2. Словообразовательные варианты: *звѣровидіе* [4, с. 102] vs. *звѣровидѣніе* [7, вып. 5, с. 351]; в том числе за счет вариантности производящих основ: *образописание* [4, с. 14] vs. *образописание* [7, вып. 12, с. 140].

3. Слова, фиксируемые словарями в другом значении. Так, слово *трение* Гумилевский употребляет в современном значении [4, с. 95], как и его современник М. В. Ломоносов [6], а в Словаре русского литературного языка XI–XVII века оно еще фиксируется со значением «распиливание» [7, вып. 30, с. 121]. Слово *неспособность* [4, с. 80] употребляется в переводе также в современном значении, которое встречается и в узусе современников Гумилевского [6] – в Словаре русского литературного языка XI–XVII века его значение описано как «неудобство, непригодность» [7, вып. 11, с. 303].

4. Слова, различающиеся аффиксами в своей структуре и образованные разными способами, но имеющие одинаковое значение. Из двух слов *безсловесие* [4, с. 22] и *безсловесность* [4, с. 21] – оба слова суть кальки греческого *ἄλογία* – Словарь русского литературного языка XI–XVII века [7, вып. 1, с. 169] и Словарь русского языка XVIII века [8] фиксируют только *безсловесие*, но у Гумилевского вариант *безсловесность* употребляется в том же значении. С точки зрения словообразовательных отношений внутри русского языка *бессловесность* – это отадъективное суффиксальное производное, а *бессловесие* – конфиксальное образование. Лексическая единица *бессловесность* фиксируется начиная с XIX века и не представляется нам невозможной для конца XVIII века, потому что образована по продуктивной словообразовательной модели с регулярным значением. В связи с этим вряд ли можно считать ее новацией Гумилевского. То же можно сказать о слове *лишенность*, притом, что словари фиксируют только единицу *лишение*, а *лишенность* появляется только в XX веке. Хотя в

этой паре разница, как минимум в словообразовательном значении, очевидна: *лишение* представляет процесс или результат действия, а *лишенность* – свойство.

5. Наибольшую группу представляют слова, незафиксированные в лексикографических источниках, однако представленные в них однокорневыми единицами, с большинством из которых они находятся в деривационных связях разного типа: *безпричастие* vs. *безпричастный* (здесь и далее первый пример приводится из текста перевода Моисея Гумилевского [4], примеры после знака vs. – из словарей [5], [7], [8]); *благопослушность* vs. *благопослушание*, *благопослушный* и др.; *богомудрец* vs. *богомудрый*; *богомудрый*, *богомудрие*; *богообразие* vs. *богообразный*; *богоприятие* vs. *богоприятный*; *вмѣстительность* vs. *вмѣстительный*; *воспростираение* vs. *воспростирати*; *дождерождение* vs. *дождеродный*; *дольность* vs. *дольный*; *златообразие* vs. *златообразный*; *превыспренность* vs. *превыспренный*; *руководствование* vs. *руководствие*, *руководствовати*; *скоролетание* vs. *скоролетаемый*, *скоролетательный*, *скоролетающий*; *соименование* vs. *именование*; *сопресвитер* vs. *пресвитерь*; *свѣтоприятие* vs. *свѣтоприятный*; *таинственность* vs. *таинственный*; *тайноначалие* vs. *тайноначальный*; *тайносовершитель* vs. *тайносовершительный*.

Очевидно, что в большинстве случаев словарями фиксируются производящие для образований из текста Гумилевского слова: *благопослушный* > *благопослушность*, *богомудрый* > *богомудрец*, *воспростирати* > *воспростираение*, *пресвитер* > *сопресвитер* и т. д. В ряде случаев производящее мы обнаруживаем, напротив, у Гумилевского: *тайносовершительный* < *тайносовершитель*, *тайноначальный* < *тайноначалие* (*тайноначальный* как имеющий отношение к *тайноначалию*) и т. п. В случае с лексемой *скоролетание* в словарях зафиксированы причастия от восстанавливаемого глагола **скоролетати* (*скоролетаемый*, *скоролетающий*), в то время как сам глагол лексикографическими источниками не фиксируется. Следует помнить, что большинство словосложений в Ареопагитиках являются кальками с греческого, но, будучи восприняты на славяно-русской почве, вступают уже в систему языка в деривационные отношения с зачастую такими же по происхождению кальками. В тексте Ареопагитик их отношения характеризуются взаимной соотнесенностью, хотя обыкновенно в таких случаях мотивирующим является прилагательное. Кроме упомянутой выше пары *тайноначальный* < *тайноначалие*, где соотнесенность была обратная, что обусловлено в немалой сте-

пени значением этих богословских терминов, это другие пары такого типа: *безпричастие* – *безпричастный*, *богоприятие* – *богоприятный*, *златообразие* – *златообразный* и т. п.

Слова *действенность*, *непременность* и *погрешность* также не обнаруживаются в исторических словарях (в них присутствуют однокорневые им слова, объединенные с названными лексическими единицами деривационными отношениями разного рода), но они фиксируются НКРЯ в произведениях первой половины XVIII века. У слова *богоподобие* НКРЯ фиксирует однокорневое *богоподобный*.

В целом, почти все слова этой группы появляются в русском языке полвека спустя, НКРЯ представляет их в текстах начала XIX века, и только в редких случаях еще одним столетием позже. Все это говорит о том, что Гумилевский использовал естественные словообразующие потенции русского языка в тех случаях, когда использовал эти слова.

6. Отдельную группу образуют существительные, образованные от глаголов несовершенного вида, в то время как лексикографические источники фиксируют соответствующие производные от глаголов совершенного вида. Видимо, это черта индивидуального стиля переводчика. Ср.:

воззирание (< *воззирати*) vs. *воззръние* (< *воззръти*);

возникание (< *возникати*) vs. *возникновение* (< *возникнути*);

очищатель (< *очищати*) vs. *очиститель* (< *очистити*);

предлагание (< *предлагати*) vs. *предложение* (< *предложити*);

преподавание (< *преподавати*) vs. *преподание* (< *преподати*).

7. Наконец, есть группа слов, отличающая перевод Гумилевского не только от данных лексикографии, но и от первого перевода Ареопагитик. Это простые слова *безобувение* (τὸ ἀνυπόδητον), *сразмѣрность* (по *сразмѣрности*, ἀναλόγως) и ряд сложных: *богозачатие* (θεοπλαστία), *богопричастие* (θέωσις), *жребопадение* (по *жребопадению*, ἀποκληροτικὸς), *любоиспытатель* (φιλοθεάμων), *образоздание* (τοποπλαστία), *первоисполнитель* (πρωτοουρῶς), *первоприниматель* (πρωτοουρῶς), *священносовершитель* (ιεροτελεστής), *стадоначалие* (ἀγέλαρχία), *тмотворение* (σкотοποιία), *умоизобретение* (ἀνάπλασις).

Среди перечисленных слов только одно совпадает с переводом XIV века – в нем так же слово σкотοποιία передано как *тмотворение* [9, л. 24]. И еще два являются точной структурной

калькой греческого слова: *стадоначалие* – ἀγέλαρχία и *священносовершитель* – ἱεροτελεστής.

Не вполне удачный вариант *безобуение* произошёл в рамках замены греческих субстантиватов на суффиксальные образования, которая в общем была свойственна переводу Гумилевского.

Остальные случаи показывают его творческий подход к переводу, в котором превалировал приоритет смысла над формой. Так, в двух случаях переводчик передаёт греческое наречие предложно-падежным сочетанием (*по сразмѣрности, по жребопадению*). Два схожих по структуре греческих композита переводит с разными вариантами второй основы: θεοπλαστία и τυποπλαστία как *богозачатие*, но *образоздание* (и если *здание* является вполне регулярным способом передачи греческого –πλαστία, то *зачатие* – новация Гумилевского, обусловленная содержанием ближайшего контекста, где говорится о Благовещении). Полукалькой является слово *любоиспытатель*, дословный перевод – *любозритель* – мы находим в предыдущих переложениях трактата, Гумилевский же придал созерцательности исследовательский оттенок (тот, кто не просто созерцает, но при этом и испытует, то есть исследует). Одна и та же греческая лексема πρωτοουρῶς (букв. ‘первый творец, деятель’) передаётся двумя разными способами в зависимости от контекста: *первоисполнитель* точно отражает значение греческого слова, а *первоприниматель* несёт оттенок пассивности, что связано с тем, что речь идет о боговидных умах, которые, согласно иерархическому учению Ареопажита, не могут быть первыми исполнителями божественных деяний, а могут лишь в силу своих возможностей принимать их. Наконец, в двух случаях переводчик заменяет простые слова сложными, что вполне соответствует славянской переводческой традиции и служит именно для раскрытия смысла. Так, один из центральных терминов Ареопажита θεώσις ‘обожение’ Гумилевский переводит по смыслу – *богопричастие*, то есть приобщение к Богу. А для греческого слова ἀνάπλασις ‘выдумка’ переводчик находит эквивалент *умоизобретение*.

Нужно отметить, что все нововведения Гумилевского находятся, с одной стороны, в рамках языкового узуса, а с другой – вполне органичны для тексто-жанровой принадлежности трактата, за исключением только авторского неологизма *безобуение*, который остался не вполне удачным гапаксом.

В целом следует подчеркнуть, что за прозрачностью и понятностью перевода иеромонаха

Моисея Гумилевского стоит кропотливый труд по поиску эквивалентов, которые бы не нарушали законы жанра и не выходили бы за рамки регулярных словообразовательных моделей. Малое количество слов, принадлежащих только этому тексту, говорит о том, что переводчик успешно использовал имеющиеся языковые ресурсы (в том числе потенциальные).

Список источников

1. Николаева Н. Г. Метафоры пословного перевода XVIII века и их влияние на славяно-книжный стандарт // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 1 (63). С. 94–99.
2. Кузовенкова А. И. Традиционное и новое в грамматике переводов сочинений Псевдо-Дионисия Ареопажита XVIII века // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Труды и материалы Международной конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань: Казанский федеральный университет, 2019. С. 117–120.
3. Николаева Н. Г. Проблемы языка и стиля богословских сочинений (на материале переводов Ареопажитик XIX–XX вв.) // Церковь и проблемы современной коммуникации. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2007. С. 121–132.
4. Святого Дионисия Ареопажита о Небесной Иерархии, или Священноначалии. Москва: б / и, 1786. 107 с.
5. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь [Репр. воспр. изд. 1900г.]. М.: Отчий дом, 2001. 1120 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavjanskij-slovar/ (дата обращения: 07.11.2022).
6. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru/ (дата обращения: 07.11.2022).
7. Словарь русского литературного языка XI–XVII века. М: Наука, 1975–2011. Вып. 1–29; М., СПб.: Нестор История, 2015. Вып. 30.
8. Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–... Вып. 7.... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 07.11.2022).
9. Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) / Дионисий Ареопажит в славянском переводе старца Исая (XIV век) // Monumenta Linguae Slavicae Dialectis Veteris. T. LVI. Freiburg i.Br.: Weiher Verlag, 2011. 683 p.

References

1. Nikolaeva, N. G. (2021). *Metamorphozy poslovnogo perevoda XVIII veka i ikh vlianie na slaviano-knizhnyi standart* [Metamorphosis of Word-by-Word Translations in the 18th Century and Their Influence on the Slavic Standard Language]. *Filologiya i kul'tura*. No. 1 (63), pp. 94–99. (In Russian)

2. Kuzovenkova, A. I. (2019). *Traditsionnoe i novoe v grammatike perevodov sochinenii Pseudo-Dionisiia Areopagita XVIII veka* [The Traditional and the New in the Grammar of Translations of Pseudo-Dionysius the Areopagite's Works of the 18th Century]. I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Trudy i materialy Mezhdunarodnoi konferentsii. V 2-kh tomakh. Pod obshchei redaktsiei K. R. Galiullina, E. A. Gorobets, E. A. Islamovoi. Pp. 117–120. Kazan, Kazanskii federal'nyi universitet. (In Russian)
3. Nikolaeva, N. G. (2007). *Problemy yazyka i stilya bogoslovskikh sochinenii (na materiale perevodov Areopagitik XIX – XX vv.)* [Problems of the Language and Style in Theological Writings (Based on Translations of the Areopagitics of the 19th – 20th Centuries)]. Tserkov' i problemy sovremennoi kommunikatsii. Pp. 121–132. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskaya dukhovnaya seminariya. (In Russian)
4. *Svyatago Dionisiya Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii.* (1786) [By Saint Dionysius the Areopagite on the Celestial Hierarchy]. 107 p. Moscow. N.p. (In Russian)
5. D'yachenko, G. (2001). *Polnyi tserkovnoslavianskii slovar'* [The Complete Church Slavonic Dictionary. Reprint of the Publication of 1900]. 1120 p. Moscow, Otchii dom. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavianskij-slovar/ (accessed 07.11.2022). (In Russian)
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: ruscorpora.ru/ (accessed 07.11.2022). (In Russian)
7. *Slovar' russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII veka* (1975–2011) [Dictionary of the Russian Literary Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 1–29; (2015) Moscow, St. Petersburg, Nestor Istorii. Vol. 30. (In Russian)
8. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (1984–1991) [Dictionary of the Russian Literary Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie. Vol. 1–6; (1992 –) St. Petersburg, Nauka. St. Petersburg otd-nie. Vol. 7–... URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (accessed 07.11.2022). (In Russian)
9. *Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert)* (2011) [Dionysius the Areopagite in the Slavic Translation of the Starets Isaiah (14th Century)]. Monumenta Linguae Slavicae Dialectis Veteris. 683 p. T. LVI. Freiburg i. Br., Weiher Verlag. (In German, in Old Slavonic)

The article was submitted on 17.02.2023

Поступила в редакцию 17.02.2023

Вольская Анастасия Сергеевна,
преподаватель,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49;
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sdeminna@mail.ru

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49;
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

Volskaya Anastasia Sergeevna,
Assistant Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation;
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sdeminna@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Medical University,
49 Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation;
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
natalia.nikolaeva@kazangmu.ru